

ШАРЛЬ ДИЛЬ,
КОРРЕСПОНДЕНТЪ ИНСТИТУТА.

ЮСТИНИАНЪ

и

ВИЗАНТІЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ ВЪ VI ВѢКѢ.

Съ 209 гравюрами въ текстѣ и 8-ю на отдѣльныхъ листахъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Альтшулера Фонтанка 96.

—
1908.

ГЛАВА V.

Законодательство.

Если бы Юстинианъ былъ только завоевателемъ, его царствованіе имѣло бы нѣкоторое значеніе въ исторіи, но имя его, конечно, было бы извѣстно не болѣе, чѣмъ имена другихъ византійскихъ государей-воителей, вродѣ Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія или Василия II. Если же его имя оставалось чрезвычайно популярнымъ; если все средне-вѣковье хранило память о великомъ императорѣ; если и въ настоящее время его имя извѣстно мало-мальски просвѣщенному человѣку, то всѣмъ этимъ онъ обязанъ своему законодательному дѣлу. Его повелѣніемъ, его вліяніемъ и при его содѣйствіи былъ составленъ тотъ громаднѣйшій сборникъ, обнимающій какъ право классическихъ юристовъ, такъ и законодательство императоровъ, который впослѣдствіи получилъ названіе *Corpus juris civilis* и четыре части котораго—Институціи (*Institutiones*), Дигесты (*Digesta seu Pandectae*), Кодексъ (*Codex Justiniani*) и Новеллы (*Novellae*)—составляли въ теченіе всего средне-вѣковья и остаются даже въ настоящее время истинною основою изученія римскаго права. Въ настоящемъ очеркѣ можетъ быть изложена лишь внѣшняя исторія этой громадной реформы, при чемъ мы будемъ касаться чисто юридическихъ сторонъ ея только въ очень общихъ чертахъ. Но если для изученія внутренняго развитія его нужна компетенція юриста, то все-же историкъ не можетъ обойти молчаніемъ эту важную сторону дѣятельности Юстиниана, тѣмъ болѣе, что самое дѣло имѣетъ глубокой исторической интересъ. «*Corpus juris civilis*, говоритъ одинъ писатель, есть послѣдній продуктъ римской юридической науки, высшее усиліе концентраціи права въ борьбѣ противъ медленнаго распаденія его, чувствовавшася уже

съ III вѣка¹». Но въ немъ есть и нѣчто другое—и, быть можетъ, еще болѣе важное. Въ *Corpus juris civilis* вложены существенные принципы права, дѣйствующаго въ современномъ обществѣ, и его изученіе, скрытно продолжавшееся въ первые вѣка отдаленнаго средневѣковья и съ XI вѣка получившее чрезвычайное развитіе, внушило варварскимъ народамъ Запада идею государства, основаннаго на правѣ. Именно этимъ отраженіемъ, проходящимъ чрезъ всю исторію Запада,—чего, несмотря на необходимое критическое отношеніе, никогда не слѣдуетъ забывать,—воля Юстиніана совершила дѣло, наиболѣе плодотворное для прогресса чело-вѣчества.

I.

Извѣстно какое почти суевѣрное уваженіе питалъ Юстиніанъ къ традиціямъ римской древности, къ той «непогрѣ-шимой древности»² (*inculpabilis antiquitas*), представителемъ и законнымъ наслѣдникомъ которой онъ себя почиталъ. Если Римъ былъ великъ, то по двумъ причинамъ: блескомъ военной славы и наукою права; въ глазахъ Юстиніана римскій императоръ представлялъ собою лицо, имѣющее двойное назначеніе: онъ былъ «не только побѣдителемъ въ войнахъ съ чужеземцами, но и умѣющимъ преслѣдовать законными путями несправедливость и клевету; онъ одновременно триумфаторъ надъ врагами и внимательный защитникъ права»³. Такимъ образомъ, Юстиніанъ, по примѣру своихъ великихъ предшественниковъ, долженъ былъ быть государемъ-воиномъ и государемъ-законодателемъ. Совершеніе юридическаго дѣла являлось новымъ способомъ выраженія наслѣдованія древняго Рима, и Юстиніанъ тѣмъ менѣе могъ колебаться въ этомъ, что смотрѣлъ на себя, какъ на облеченнаго самимъ Богомъ правомъ созданія законовъ, и императорское величество казалось ему, по своему всевѣдѣнію, способнымъ съ помощью всемогущаго Провидѣнія разрѣшить всѣ темныя стороны юридической науки⁴.

1. *G. May, Éléments de droit roman, I, 47.*

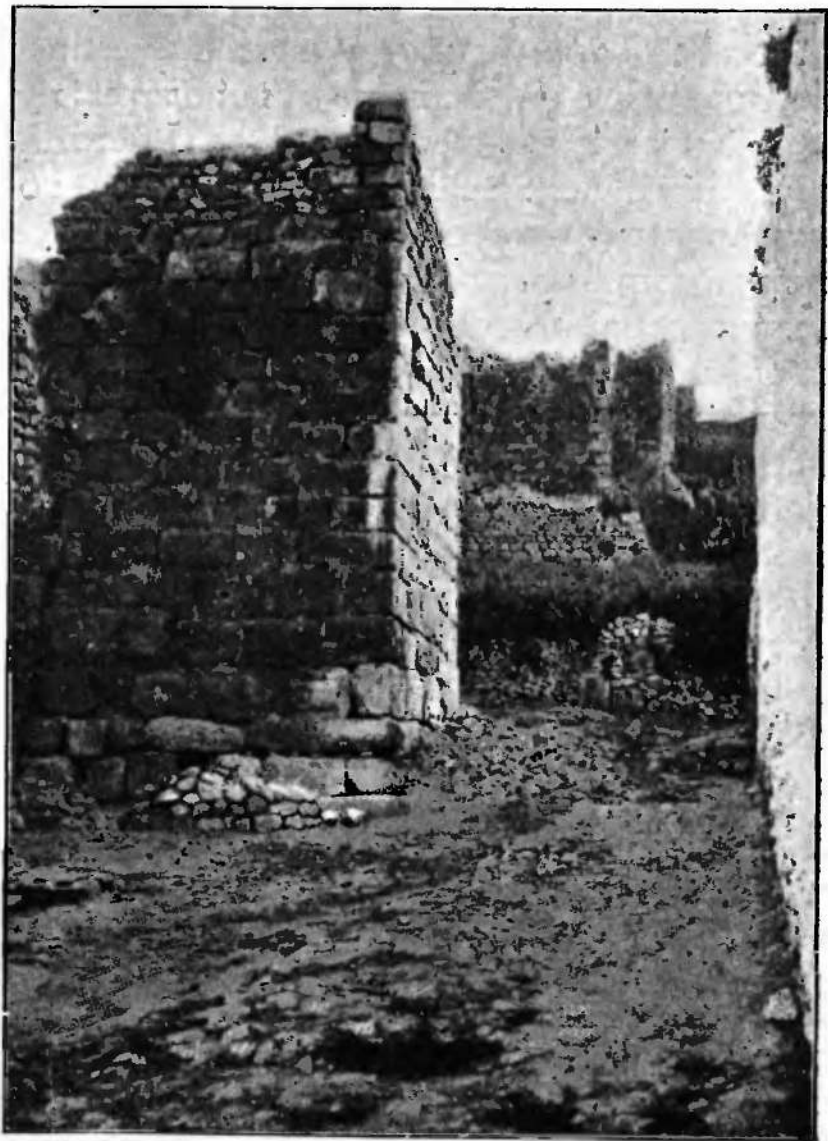
2. *Nov. 8, jusjurandum. Ср. Nov. 23, 3; относительно же почтенія, съ которымъ Юстиніанъ требуетъ къ традиціямъ, Nov. 24, praef.; 25, praef.*

103, praef., и т. д.

3. *Const., Imperatoriam majestatem* (въ началѣ Институцій), praef. *Ср. De Just. cod. confirmando, praef.*

4. *Const., Tanta, 18, 21; Nov. 113, 17.*

Другія соображенія, менѣ отвлеченнаго и теоретическаго характера, способствовали окончательному рѣшенію базилевса: именно, страшный беспорядокъ, въ который пришло римское право. Оно почерпало свои правила изъ двухъ источниковъ: съ одной стороны, изъ императорскихъ указовъ (*leges*), и съ другой — изъ толкованій юрисконсультовъ (*ius*); но эти материалы были очень разбросаны, пользоваться ими было очень трудно и, сверхъ того, они были полны противорѣчій¹. Юстиніанъ очень часто и горько жалуется на «безполезное многословіе²» (*supervacua prolixitas*) этихъ безчисленныхъ текстовъ и еще болѣе на неудобства, проистекающія для надлежащаго юридическаго примѣненія отъ ихъ тем-

93. Башня византійской стѣны въ Бежа.

ноты и вѣчныхъ разнорѣчій, вслѣдствіе чего дѣла становятся нескончаемыми и приговоры основываются не столько на законахъ, сколько на усмотрѣніи и прихоти судей³. Такимъ образомъ, было существенно важно собрать и согласовать всѣ эти тексты въ опредѣленной, однообразной и облегчающей пользованіе системѣ, положить во всемъ предѣлъ произволу чиновниковъ и создать, какъ вы-

1. De emend. cod. Just., praef.

2. Id., 1.

3. De novo cod. comen., praef. и 3.

ражался Юстиніанъ, «точные и неоспоримые законы¹». Какъ мы увидимъ ниже, императоръ очень заботился о порядкѣ и правосудіи; онъ очень живо чувствовалъ всѣ недостатки судебнаго дѣла и тяжелыя послѣдствія отъ этого для подданныхъ. Это являлось еще однимъ поводомъ къ тому, что въ горячкѣ начала царствованія, столь богатаго обѣщаніями и великими предначертаніями, онъ смѣло взялся на великую законодательную реформу.

Но если слѣдуетъ отдавать Юстиніану честь за замыселъ этого колоссальнаго предпріятія, то нужно сказать, что онъ имѣлъ также счастье найти возлѣ себя человѣка, способнаго выполнить его. Трибоніанъ былъ настоящею душою великаго намѣренія и императоръ это хорошо сознавалъ, такъ какъ онъ не скупился на похвалы юридическимъ познаніямъ своего министра, его практической опытности, преданности государю и усердію, съ которымъ онъ старался выполнить всѣ желанія своего государя². И дѣйствительно, все дѣло велъ Трибоніанъ. 13 февраля 528 г. была учреждена для реформы кодекса комиссія изъ десяти членовъ, которые всѣ были «люди науки, опыта, неутомимаго и и похвальнаго усердія къ общественному дѣлу³». Здѣсь были собраны, вмѣстѣ съ Трибоніаномъ, высокіе чиновники администраціи, два заслуженные адвоката и профессоръ права константинопольской школы Теофилъ. Императоръ предложилъ имъ собрать и классифицировать всѣ императорскія установленія, начиная со временъ Адріана, заимствуя все, что слѣдовало сохранить изъ трехъ кодексовъ—Грегорианскаго, Гермогеніановскаго и Θεодосіевскаго, и собрать всѣ рескрипты, изданные впослѣдствіи императорами. Дѣло велось съ большою быстротою и было кончено черезъ годъ съ небольшимъ. 7 апрѣля 529 г. составленное такимъ образомъ собраніе законовъ было готово къ обнародованію; это былъ Кодексъ Юстиніана, который, въ подражаніе закону Двѣнадцати Таблицъ, былъ раздѣленъ на двѣнадцать книгъ и отнынѣ долженъ былъ на всемъ пространствѣ имперіи имѣть силу закона и замѣнить всѣ другіе сборники подобнаго же рода.

Какъ ни важно въ этомъ отношеніи дѣло Юстиніана, но оно, однако, не было совершенно оригинальнымъ. Раньше

1. De Just. cod. confirmando, 1. Ср. *Const.*, Tanta, praef.

2. *Const.*, Imperatoriam majestatem

3; Deo auctore, 3; Tanta, 9.

3. De Just. cod. conf., 1.

его Діоклетіанъ и, вѣроятно, Θεодосій II составили кодексы въ этомъ же родѣ. Но дѣломъ, лично принадлежавшимъ Юстиніану, были Дигесты. Въ нихъ Юстиніанъ пожелалъ собрать во едино ученія самыхъ знаменитыхъ юрисконсультовъ древняго Рима. При этомъ преслѣдовалась не одна только практическая цѣль—дать юристамъ въ удобной и сподручной формѣ необходимые для юриспруденціи тексты; у императора было болѣе высокое и научное намѣреніе: онъ желалъ сохранить для потомства драгоцѣнные матеріалы, накопленные въ теченіе вѣковъ мудростью римлянъ, и льстилъ себя надеждою дать этимъ новый толчокъ юридической наукѣ. Задача, которую предстояло выполнить, была громадна; требовалось разобрать ни болѣе ни менѣе, какъ 2000 книгъ, въ которыхъ было около трехъ милліоновъ строкъ¹. Самъ Юстиніанъ, казалось, сначала испугался. «Никто, говоритъ онъ, не смѣлъ надѣяться и мечтать о такомъ дѣлѣ; оно было самое трудное, вѣрнѣе—даже невозможное, но, воздѣвъ руки къ небесамъ и призвавъ помощь Божию, мы взялись за него, надѣясь на Предвѣчнаго, который, по своему всемогуществу, можетъ вывести изъ самага безнадежнаго положенія²». Это «безнадежное дѣло», какъ называлъ его императоръ³, Трибоніанъ довелъ до конца, и нужно видѣть, какъ высокопарно говоритъ Юстиніанъ объ успѣхѣхъ предпріятія, «о которомъ никто до нашего царствованія не мечталъ, которое казалось невозможнымъ для человеческого рода⁴» и въ которомъ, «какъ въ глубокомъ морѣ», должны были потонуть самые ученые и искусные люди.

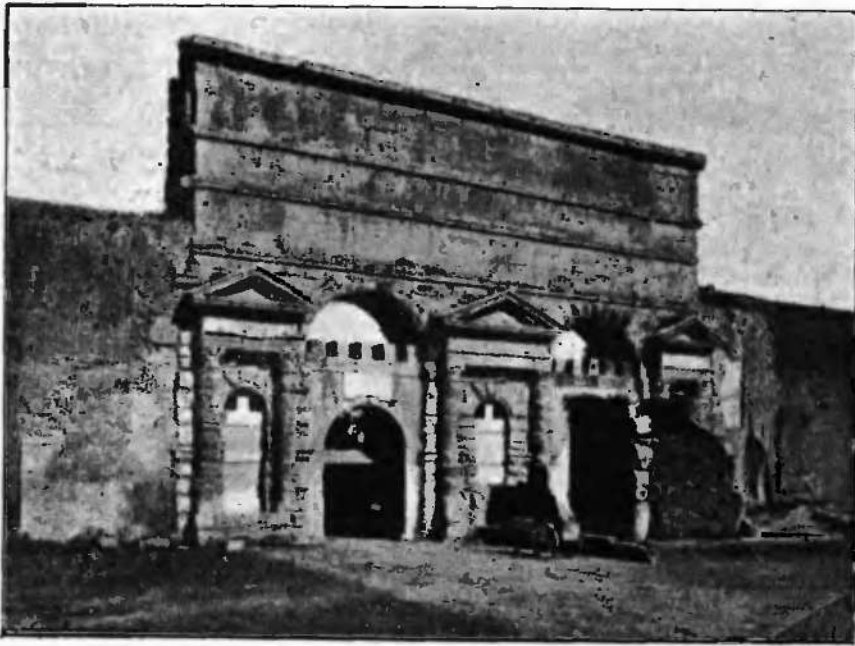
15 декабря 530 г. была назначена комиссія изъ шестнадцати членовъ. Она состояла изъ одиннадцати адвокатовъ, четырехъ профессоровъ права, двухъ изъ Константинополя и двухъ изъ Бейрута, и предсѣдателя—Трибоніана⁵. Масса текстовъ, которые предстояло разобрать, была громадна; сверхъ того, многіе изъ древнихъ юрисконсультовъ были либо мало знакомы, либо почти позабыты. Но во всемъ этомъ эрудиція и изобрѣтательность Трибоніана сдѣлала чудеса. Подъ его высшимъ руководствомъ комиссія раздѣлилась на три секціи. Одна разбирала сочиненія, относящіяся къ *jus civile*, и, въ особенности, разработанные комментаріи, которыми Помпоній, Ульпіанъ и Павелъ обогатили трактатъ

1. *Const.*, Tanta, 1.2. *Const.*, Deo auctore, 2.3. *Const.*, Imperatoriam majesta-

tem, 2.

4. *Const.*, Tanta, praef.5. *Const.*, Tanta, 9.

гражданскаго права Сабина, такъ называемыя *libri ad Sabinum*; другая разработывала все, относящееся къ *jus honoꝛatiu*m, главнымъ образомъ, работы Ульпіана, Павла и Кая, относящіяся къ преторскому эдикту Адриана и которыя называются *libri ad edictum*; наконецъ, третья разработывала тексты, которые не могли быть отнесены ни къ одной изъ предыдущихъ категорій, особенно Вопросы и Отвѣты Папиніана, Павла и Сцеволы. Такимъ образомъ, получились три группы извлеченій: сабиніанская, эдиктная

94. Porta Maggiore въ Римѣ (древніе Пренестинскія и Лабиканскія ворота).

и папиніановская¹. Собранные матеріалы были затѣмъ разсмотрѣны комиссіей, классифицированы, приведены въ соотвѣтствіе одни съ другими и, наконецъ, распредѣлены въ семи частяхъ и въ пятидесяти книгахъ. Сорокъ юрисконсультовъ доставили необходимыя извлеченія, начиная съ К. Муція Сцеволы, какъ самаго древняго, до Гермогена и Аркадія Харизіуса, жившихъ въ IV вѣкѣ; но главнымъ образомъ заимствованія были сдѣланы изъ Ульпіана, давшія цѣлую треть Дигестъ, и изъ Павла, давшія около одной шестой части ихъ². Такимъ образомъ, въ 15000 строкахъ была резюмирована сущность античной науки, «былъ выстроенъ, по выраженію Юстиніана, священный храмъ рим-

1. *Krueger*, *Hist. des sources du droit romain*, стр. 448—453; *Muirhead*, *Introduction historique au droit privé*

de Rome, стр. 515.

2. *Krueger*, стр. 438—439; *Muirhead*, стр. 516—517.

ской юстиціи¹», и въ пятидесяти книгахъ Пандектовъ— полное собраніе—«было заключено, какъ въ цитадели, все античное право (*vetus jus*), остававшееся неразработаннымъ въ теченіи 1400 лѣтъ и, наконецъ, приведенное въ порядокъ Юстиніаномъ»².

Полагали, что потребуется, по крайней мѣрѣ, не меньше десяти лѣтъ для окончанія всего дѣла, но оно было закончено въ три года³, и 16 декабря 529 г. Дигесты были обнародованы. Юстиніанъ очень любилъ, чтобы его желанія быстро осуществлялись, и много разъ самъ вмѣшивался для ускоренія работъ членовъ комиссіи, требуя отъ нихъ отчетовъ о ходѣ дѣла, устраняя сомнѣнія и разрѣшая затрудненія въ силу той универсальной компетенціи, которая была дарована ему небомъ⁴ и пользоваться которою Трибоніанъ охотно побуждалъ его⁵. Но легко понять, что дѣло, такъ быстро исполненное, не могло быть совершеннымъ и даетъ основаніе для многихъ оговорокъ относительно результатовъ такой чразмѣрно торопливой работы.

Относительно редакціи Кодекса, какъ и редакціи Дигестъ, Юстиніанъ предоставилъ членамъ комиссіи полную свободу выбора извлеченій, которыя они дѣлали, но только настойчиво совѣтовалъ наблюдать, чтобы въ нихъ не было повтореній и противорѣчій⁶. Онъ сознавалъ однако, какъ трудно вполнѣ соблюсти это желаніе и заранѣе извинялся за повторенія, которыя могутъ встрѣтиться, приписывая ихъ естественной человѣческой слабости. «Ибо, говоритъ онъ, помнитъ все и ни въ чемъ не ошибаться—это привилегія божества, а не человѣчества⁷». И дѣйствительно, въ Дигестахъ много повтореній, причѣмъ либо одно и то же извлеченіе воспроизводится нѣсколько разъ, либо по одному и тому же поводу приводятся отрывки изъ разныхъ юрисконсультовъ, устанавливающихъ однородныя правила⁸. Юстиніанъ извинялся также и за возможные пропуски⁹, но рѣшительно заявилъ, что за то во всемъ трудѣ нельзя найти ни одного противорѣчія¹⁰. Однако, какъ онъ ни льстилъ себя этимъ, но въ

1. *Const.*, Deo auct., 5.

2. *Const.*, Deo auct., 5; *Const.*, Tanta, 1, 17.

3. *Const.*, Tanta, 12.

4. *Id.*, praef.

5. *Instit.*, 1, 5, 3. *Nostras deciosiones, per quas, suggerente nobis Triboniano viro excelso quaestore, antiqui*

juris altercationes placavimus.

6. *De novo cod. comp.*, 2; *Const.* Deo auct., 7—10; Tanta, 10.

7. *Const.*, Tanta, 13a.

8. См. *Krueger*, loc. cit., 441—442

9. *Const.*, Tanta, 16.

10. *Id.*, 15.

Дигестахъ есть противорѣчія, и даже ихъ много¹. Вообще, самый серьезный упрекъ, который можетъ быть обращенъ къ редакторамъ этого обширнаго сборника, это—полное отсутствіе единства въ ихъ работѣ. Торопясь какъ можно скорѣе кончить его, они сдѣлали мозаику изъ драгоцѣнныхъ обрывковъ, помѣщенныхъ одни за другими по мѣрѣ того, какъ каждая секція комиссіи доставляла ихъ, часто очень поверхностно распределенныхъ и не разъ весьма неудачно слитыхъ законовѣдами эпохи упадка. По недосмотру, были сохранены многія постановленія, уже потерявшія силу закона; въ особенности же составители считали очень труднымъ и требующимъ много времени выработку методическаго плана труда и удовольствовались совершенно внѣшней классификаціей². Юстиніанъ, конечно, указалъ только въ общихъ чертахъ порядокъ, которому надлежало слѣдовать³, именно: предметы должны были распределиться въ порядкѣ, принятомъ въ Преторскомъ эдиктѣ, или, вѣрнѣе, въ комментаріяхъ Ульпіана къ этому эдикту. Но содержимое каждой главы распределено совершенно поверхностно; вмѣсто того, чтобы «принять въ основаніе каждаго вопроса изложеніе его какимъ либо юрисконсультомъ и пополнять его извлеченіями изъ сочиненій другихъ юристовъ⁴», были приставлены одинъ къ одному обрывки всѣхъ трехъ группъ, причемъ во главѣ ихъ ставили тотъ, изъ котораго сдѣлано наибольшее извлеченіе. Сверхъ того, многіе тексты внесены по ошибкѣ подъ такія рубрики, къ которымъ они не имѣютъ никакого отношенія. Въ надписяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ каждаго отрывка и указывающихъ авторовъ, нѣтъ недостатка въ ошибкахъ и неточныхъ ссылкахъ, что является очень большимъ недостаткомъ⁵.

Есть и другой, еще болѣе важный недостатокъ. Юстиніанъ предложилъ членамъ комиссіи устранять все, что они признаютъ бесполезнымъ, и для составленія точной и ясной редакціи уполномочилъ ихъ исправлять то, что покажется имъ въ текстахъ темнымъ или дурно изложеннымъ; наконецъ, онъ позволилъ имъ дѣлать прибавки и урѣзки и даже сливать во-едино по нѣсколько отрывковъ различнаго происхожденія⁶. Члены комиссіи широко воспользовались пре-

1. *Krueger*, loc. cit., 442.

2. *Krueger*, 448; *Muirhead*, 517—

519.

3. *Const.*, Deo auct., 14.

4. *Krueger*, loc. cit., 448.

5. Ср. *Krueger*, 448—455.

6. *Const.*, Deo auct., 7—10; *Const.*, Tanta, 10.

доставленной имъ свободой—и притомъ нерѣдко недостаточно разумно. Они не только уничтожали, вычеркивая все, относящееся къ установленіямъ, уже отмѣненнымъ или устарѣлымъ, не только уничтожали, для краткости, глубокія замѣчанія авторовъ и противорѣчія, на которыя указывали послѣдніе ¹; но они по произволу портили, измѣняли, обрѣзывали и передѣлывали ихъ, замѣняя своими словами выраженія древнихъ юристовъ, выкраивая учрежденія и трактаты права, подобно какой-нибудь одеждѣ, сшитой изъ лоскутковъ. «Трибоніанъ, пишетъ одинъ юристъ, наложилъ варварскую руку на удивительные остатки римской юриспруденціи; онъ испортилъ, изувѣчилъ самое лучшее твореніе Рима—его гражданское право; онъ уничтожилъ Ульпіана, Павла, Папіана, Кая, чтобы только приспособить эти обломки къ нуждамъ греческой имперіи и построить изъ нихъ зданіе, состоящее изъ лохмотьевъ ²». Въ этомъ жестокомъ отзывѣ есть много правды. Но можно ли идти далѣе и сказать, «что ему, быть можетъ, мы обязаны потерей этихъ драгоценныхъ книгъ, подвергшихся послѣ компиляціи Юстиніана забвенію и презрѣнію?» Такое предположеніе очень спорно ³. Были бы составлены Дигесты, или нѣтъ, сочиненія классическихъ юрисконсультовъ, изъ которыхъ многія были очень мало распространены, все равно, по всей вѣроятности, погибли бы. Съ другой стороны, рано или поздно, но практическія потребности заставили бы составить сборникъ, подобный Дигестамъ, и этотъ сборникъ, составленный другими, могъ быть сдѣланъ еще хуже. Благодаря Юстиніану и его сотрудникамъ, для насъ сохранились источники римскаго права, конечно, далеко неполные, но во всякомъ случаѣ въ такомъ объемѣ, какого не встрѣчается ни въ одной изъ вѣтвей античной науки. Конечно, можно осуждать методъ, которому слѣдовали при составленіи Дигестъ, и недостаточно практическій характеръ дѣла, которое воскресило, сохранивъ ихъ, много правилъ и учрежденій, уже давно забытыхъ, но остается безспорнымъ, что по научному достоинству, которое Юстиніанъ хотѣлъ придать своему сборнику, онъ сдѣлалъ цѣнное и оригинальное дѣло, а богатствомъ матеріаловъ, которые онъ желалъ передать по-

1. *Krueger*, loc. cit., стр. 442—444.

2. *Giraud*, Hist. du droit romain,

3. Ср. *Krueger*, loc. cit., стр. 462—

464.

томству, онъ оказалъ громадную услугу какъ юридической наукѣ, такъ и исторіи.

Именно, на эту точку зрѣнія и слѣдуетъ становиться для оцѣнки предпріятія Юстиніана; но оно представляетъ для

95. Диптихъ консула Анастасія (517 г.) (Кабинетъ медалей.).

историка и интересъ другого рода. Въ немъ можно найти драгоцѣнныя указанія какъ на духъ императора, такъ и на духъ его времени.

Прежде всего поражаетъ слѣдующее. Въ этой имперіи, въ большей своей части чисто восточной, латинскій языкъ

остаётся по преимуществу языкомъ юридическимъ ¹. Черта эта характеристична: для Юстиніана, наслѣдника римскихъ императоровъ, латинскій языкъ всегда оставался не только оффиціальнымъ языкомъ, но и національнымъ языкомъ имперіи ². Въ дѣйствительности, греческій языкъ могъ быть гораздо болѣе распространеннымъ и понятнымъ, но наслѣдникъ цезарей соглашался употреблять его только изъ снисхожденія; въ ежедневной же практикѣ управленія упорно придерживались латинскаго языка. Даже въ такой провинціи, какъ Сирія, гдѣ большинство населенія говорило по-сирійски и только высшіе классы объяснялись по-гречески, въ VI вѣкѣ всѣ тексты актовъ составлялись по-латыни ³.

Другое важное замѣчаніе, вызываемое этимъ законодательствомъ, состоитъ въ проведеніи въ послѣднемъ идеи государства, основаннаго на обдуманной іерархіи чиновниковъ, повинующихся одному неограниченному начальнику, управляющему безконтрольно и власть котораго является божественнымъ правомъ. Никогда, быть можетъ, теорія императорскаго деспотизма не была выражена болѣе точно и полно, чѣмъ въ законодательствѣ Юстиніана, и въ этомъ отношеніи Юстиніанъ былъ истиннымъ наслѣдникомъ цезарей.

Но наряду съ преданіями прошлаго, благоговѣнно сохранными людьми VI вѣка, появились новыя идеи ⁴. При всѣхъ недостаткахъ внѣшней формы, несмотря на многословіе и напыщенность слога, несмотря даже на частое отсутствіе логики и опредѣленности ⁵, сущность все-таки указываетъ на довольно значительную широту взгляда; въ ней чувствуется новое вѣяніе и проводятся реформы, имѣвшія

1. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что редакторы Кодекса и Дигестъ, компилируя сочиненія, написанныя по-латыни, держались того же языка, но предисловія, сопровождающія эти сборники, и большое число включенныхъ въ нихъ указовъ Юстиніана написаны также по-латыни. То же самое слѣдуетъ сказать и объ *Институціяхъ*, которыя могли бы быть изложены съ одинаковымъ удобствомъ и по-гречески.

2. Nov. 7, I. Ср. Nov. 15, praef.; 66, 1,

2. Относительно греческаго и латинскаго текстовъ одной новеллы Юсти-

ніанъ заявляетъ, что послѣдній есть *χωριωτάτη διὰ τὸ τῆς πολιτείας σχῆμα*. Объ употребленіи латинскаго языка въ законодательствѣ см. *Finlay, Hist. of Greece, I, 215.*

3. Ср. *Gelzer, вѣ Byz. Zeitschr., III 22—24.*

4. Въ этихъ замѣчаніяхъ, касающихся всей совокупности законодательства Юстиніана, я имѣю въ виду также и тѣ, нерѣдко весьма значительныя, измѣненія, которыя были введены *Новеллами*.

5. Ср. *May, loc. cit., 50.*

дѣйствительную важность. Не смотря на свое глубокое уваженіе къ древности, Юстиніанъ сильно чувствовалъ бесполезную сложность и устарѣлость во многихъ отношеніяхъ древняго римскаго права, а потому въ своихъ рѣшеніяхъ, затрогивавшихъ права личности, онъ охотно руководился тѣмъ, что онъ любилъ называть *humanitas*, а въ рѣшеніяхъ, касавшихся правъ другого рода,—общественною ползою и *naturalis ratio* ¹. Такимъ образомъ, болѣе широкіе и справедливые принципы новаго *jus gentium* окончательно уничтожали узкія, подвергшіяся на практикѣ частичной отмѣнѣ, постановленія права Двѣнадцати Таблицъ; но этимъ дѣло не ограничилось. Въ расширенные римскіе взгляды проникъ христіанскій духъ, и чрезъ законодательство Юстиніана, отъ начала до конца, проходитъ постоянная забота объ общественной справедливости и живое попеченіе объ общественной нравственности ².

Въ личномъ правѣ старое возрѣніе на семью исчезаетъ окончательно ³. Женщина становится равною мужинѣ и получаетъ даже нѣсколько привилегированное положеніе. Законъ опредѣляетъ и укрѣпляетъ ея права на приданое, уменьшая власть распоряженія имъ со стороны мужа въ теченіе брака и упрощая способы возврата его при расторженіи послѣдняго. Чтобы еще болѣе увеличить независимость жены, законъ обязываетъ будущаго супруга, въ обмѣнъ и какъ бы въ соотвѣтствіе обѣщанному приданому (*antiferrea*), обезпечить женѣ посредствомъ *donatio propter nuptias* извѣстныхъ средства, которыя дѣлаются ея собственностью при расторженіи брака ⁴. Точно также измѣняются отношенія между отцомъ и дѣтьми. *Patria potestas* уже не допускаетъ болѣе отказа отца на согласіе на бракъ его сына или дочери, или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ представить суду основанія такого отказа. Сынъ, который имѣлъ право на полученіе родового имѣнія, дѣлался безусловнымъ собственникомъ имущества, пріобрѣтенныхъ имъ какимъ бы то ни было способомъ (благопріобрѣтенное имущество, *bona adventitia* ⁵), при чемъ отецъ не могъ предъявлять на это имущество никакихъ претензій, за исключеніемъ *rescilium profectitium*. Нѣкоторое освобожденіе изъ-подъ родительской власти уничтожило прежній характеръ отношеній, при которыхъ ребенокъ

1. *Muirhead*, 523.

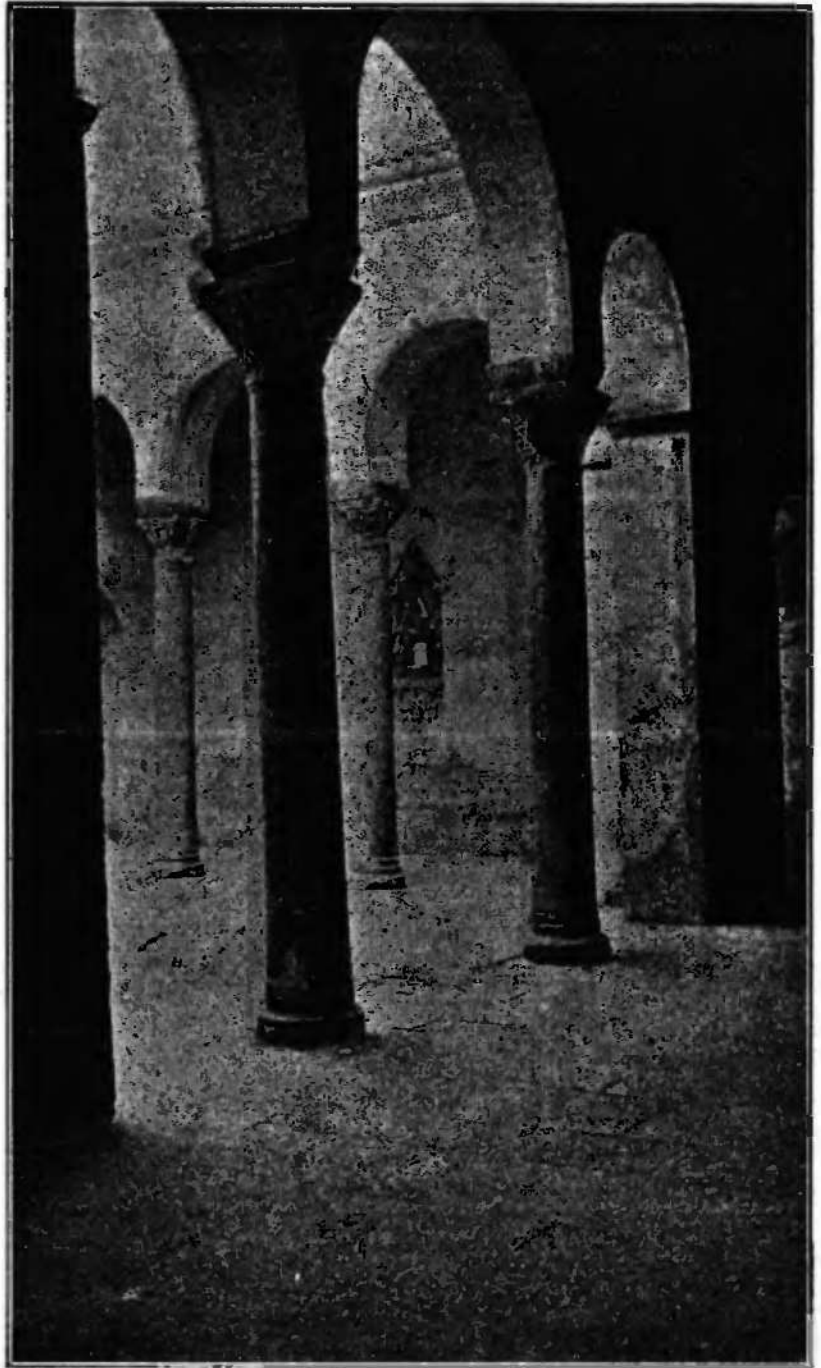
2. Ср. Новеллу 77, 1.

3. *Muirhead*, loc. cit., 523—529.

4. Новеллы 61 и 97.

5. Ср. *May*, loc. cit., 116—117.

низводился на уровень раба, и, вообще, во всѣ отношенія между членами семьи вносился большой духъ мягкости съ яркимъ признаніемъ личнаго достоинства ихъ. Въ томъ же духѣ опредѣлялось положеніе тѣхъ, которые въ прежнемъ обществѣ находились въ состояніи лишенныхъ правъ. Слѣдуя Ульпіану¹, законъ объявлялъ, что по естественному праву всѣ люди равны, что всякій человѣкъ рождается свободнымъ и что рабство есть состояніе, противное природѣ, вслѣдствіе чего рабство было смягчено, освобожденіе поощрялось и было облегчено. Не менѣе либераленъ законъ и относительно отпущенныхъ, а также и женщинъ, которыхъ профессія какъ бы выдѣляетъ изъ общества, таковы—куртизанки и актрисы. Законъ разрѣшаетъ послѣднимъ бракъ со свободными людьми и даже съ лицами, носящими санъ сенатора². Въ послѣднихъ мѣрахъ смѣло можно распознать вліяніе Θεодоры.

96. Атріумъ базилики въ Паренцо.

1. Dig., 50, 17, 32, quod ad jus naturale attinet, omnes homines aequa-

les sunt.

2. C. J., 1, 4, 33; 5, 4, 29.

Тотъ же духъ проявлялся и въ законодательствѣ относительно имуществъ¹. Измѣненія, введенныя Юстиніаномъ въ право наслѣдованія, особенно въ наслѣдіяхъ безъ завѣщанія, были, по словамъ одного автора, «совершенно революціонными²». Прежде, при вызовѣ наслѣдниковъ, право агнатовъ представлялось безусловнымъ; теперь родство по крови, какъ по мужской, такъ и по женской линіямъ, являлось единственнымъ указаніемъ для передачи имущества. Было признано безспорнымъ принципомъ естественнаго права, что каждое дитя должно наслѣдовать часть отцовскаго наслѣдства. Сынъ, за нѣкоторыми весьма рѣдкими исключеніями, не могъ быть лишенъ наслѣдства, и законная часть, на которую онъ имѣлъ право, была увеличена. Право матери на наслѣдство сдѣлано было независимымъ отъ *jus liberorum*; дочери или сестры были признаны имѣющими право на наслѣдство съ исключеніемъ правъ агнатовъ. Все это, несомнѣнно, не было полнымъ нововведеніемъ; во многихъ отношеніяхъ законодательство Юстиніана только узаконивало то, что давно уже совершалось въ дѣйствительности³, но оно тѣмъ не менѣе очищало юридическую почву отъ устарѣвшихъ слѣдовъ древняго права, упрощало положеніе и порядокъ вещей, какъ, на примѣръ, въ отношеніи формъ передачи имущества и формальностей при обязательствахъ⁴. И всѣмъ этимъ,—тѣмъ духомъ справедливости, мягкости, упрощенія, который, по мнѣнію авторитетнаго судьи, дѣлалъ изъ закона о наслѣдованіяхъ «верхъ совершенства всего дѣла Юстиніана»⁵,—онъ «приготовилъ пути, по которымъ должно было послѣдовать дальнѣйшее законодательство»⁶.

Тѣмъ не менѣе, Кодекса и Дигестъ самихъ по себѣ было недостаточно. Не всѣ могли, какъ выразился Юстиніанъ, «снести тяжесть такой мудрости»⁷, и потому необходимо было подумать о болѣе молодыхъ умахъ, нуждающихся въ болѣе простой пищѣ, «о тѣхъ еще недостаточно опытныхъ людяхъ, которые стоятъ въ преддверіи закона, жаждающая проникнуть въ его святилище»⁸. «Для этой юности, желающей

1. *Muirhead*, 532—537.

2. *Id.*, 532. См. очень важныя въ этомъ отношеніи новеллы 118 (543 г.) и 127 (548 г.).

3. *May*, loc. cit., 50—51.

4. *Muirhead*, 529—532.

5. *Accarias*, Précis de droit romain, I, 1182.

6. *May*, loc. cit., 51.

7. *Const.*, Tanta, 22.

8. *Id.*, 11.

изучить право»¹, необходимо было хорошее практическое руководство. О немъ подумалъ Юстиніанъ еще въ 530 г.², и въ 533 г. поручилъ составить его Трибоніану и двумъ профессорамъ права, Теоѳилу и Дорѳею. Эта задача была выполнена съ такою быстротою, что книга могла появиться 21 ноября 533 г., даже раньше окончанія Дигестъ. Это были четыре книги Институцій, составленныхъ по плану Институцій Кая, которыя и легли въ основу новаго произведенія, но такъ, по словамъ Юстиніана, чтобы «собрать мутныя воды древнихъ источниковъ въ прозрачное озеро»³, т.-е. изложеніе ихъ должно быть не такимъ метафорическимъ, и изъ него должно было быть исключено все устарѣвшее и введено въ эту новую элементарную книгу все, что необходимо было знать о современномъ состояніи права и особенно о реформахъ Юстиніана⁴. Наконецъ, въ 534 г. явилось второе изданіе Кодекса, пересмотрѣнное и увеличенное большимъ числомъ новыхъ указовъ, изданныхъ императоромъ послѣ 529 г., и сборникомъ Пятидесяти опредѣленій (*quingenta decisiones*), содержащихъ въ себѣ императорскія рѣшенія съ 529 по 532 г. Новый Кодексъ былъ обнародованъ 17 ноября 534 г. подъ заглавіемъ *Codex repetitae praelectionis*⁵. Имъ отмѣнялось изданіе 529 г., и именно это изданіе, заключающее въ себѣ отъ 4600 до 4700 постановленій, идущихъ отъ времени Адріана до 534 г., составляетъ то, что мы имѣемъ теперь подъ названіемъ Кодекса Юстиніана. Всѣ законоположенія расположены въ отдѣлахъ въ хронологическомъ порядкѣ; во главѣ cadaго изъ нихъ стоитъ имя императора, отъ котораго исходилъ законъ, а мѣсто и время изданія указаны въ концѣ⁶.

II.

Когда Юстиніанъ довелъ начатое имъ дѣло до конца, онъ окинулъ всю совокупность его своимъ взоромъ и «нашелъ, что оно хорошо». Самодовольно вспоминая въ одномъ изъ указовъ 533 г. «небесныя дары», которыми Провидѣніе наградило его въ этотъ годъ его царствованія,—миръ заключенный съ Персіей, завоеваніе его оружіемъ Африки,—онъ по-

1. *Cupidae legum juventuti.*

2. *Const., Deo auct., II.*

3. *Const., Omnem, 2.*

4. *Krueger, loc. cit., 455—457.*

5. *De emend. cod. Just.*

6. *Krueger, 457—461.*

ставилъ на одномъ ряду съ ними окончаніе великой законодательной реформы¹. Онъ радовался, что внесъ новый свѣтъ въ темную ночь древняго права, что своими Институціями и Дигестами проложилъ яркій и легкій путь, а Кодексомъ зажегъ для всѣхъ глазъ блестящую звѣзду²; онъ кичился совершеніемъ невозможнаго дѣла, тѣмъ, что далъ для на-

97. Византійская капитель въ ц. св. Виталія въ Равеннѣ.

стоящаго и будущаго наилучшіе законы³, и, приглашая подданныхъ возблагодарить небеса, сохранившія для того вѣка, въ которомъ они живутъ, столь великолѣпное дѣло,— онъ увѣщевалъ ихъ благоговѣнно чтить эти законы, которые древніе не достаточно чтили⁴. Затѣмъ онъ велерѣчиво перечисляетъ ихъ достоинства: съ точки зрѣнія юридической опредѣленные статьи замѣнили произволь судей; съ точки

1. *Const.*, Tanta, 23.

2. *De emend. cod. Just.*, 3

3. *Const.*, Tanta, 12.

4. *Id.*, 19. *Ср. praef.*

зрѣнія научной,—вся сумма античнаго знанія собрана въ *Corpus juris* и, такимъ образомъ, предохранена отъ забвенія ¹. Юстиніанъ не упустилъ также изъ виду литературныя и даже экономическія достоинства всего дѣла, этихъ точныхъ, краткихъ и доступныхъ для всѣхъ законовъ, которые, къ тому же, каждый легко можетъ имѣть: «за нѣсколько солидовъ, говоритъ онъ, богатые и бѣдные могутъ купить ихъ и пріобрѣсти съ ничтожными издержками квинтъ-эссенцію мудрости» ². Воздавъ благодареніе Богу, покровительство котораго позволило ему осуществить его намѣреніе, онъ повелѣвалъ, чтобы новое законодательство получило силу закона на всемъ пространствѣ имперіи ³, въ отмѣну всѣхъ прежнихъ постановленій; чтобы оно почиталось, какъ неизмѣнное и святое, и чтобы все въ немъ написанное, даже ошибки, не подвергалось ни малѣйшему сомнѣнію. И Юстиніанъ приказывалъ, чтобы въ судѣ, при разногласіи между древнимъ и подлиннымъ текстомъ закона и измененнымъ текстомъ, помѣщеннымъ въ Дигестахъ или въ Кодексѣ, принимался во вниманіе только послѣдній ⁴.

Въ видахъ сохраненія своего удивительнаго законодательства въ его первоначальной чистотѣ, Юстиніанъ упорядочилъ еще юридическое преподаваніе, основою котораго должно было служить это законодательство, и юридическую науку, бывшую его отправною точкою.

Школъ права въ имперіи было довольно много. Онѣ были въ Константинополѣ, Римѣ, Беритѣ (Бейрутѣ), Цезарѣ, Александріи и въ другихъ мѣстахъ. Юстиніанъ сохранилъ изъ нихъ только первыя три ⁵. Самое преподаваніе было также изменено съ цѣлью согласованія его съ новыми законодательными сборниками. До этихъ поръ, изученіе права продолжалось четыре года; но при этомъ во время лекцій изучались очень немногія произведенія, всего 87 изъ 2000, которыя оставались отъ старыхъ авторовъ, и прочитывалось не болѣе 6000 строчекъ изъ громадной массы законовъ ⁶. Дѣло ограничивалось изложеніемъ Институцій Кая, нѣкоторыхъ отрывковъ изъ книгъ Ульпіана *ad Sabinum*, большихъ отрывковъ его комментарія на Эдиктъ, восьмью книгами *Responsa* Папиніана и двадцатью тремя

1. *Const.*, Tanta, 17.

2. *Id.*, 13.

3. *Id.*, Deo auct., 6. De Just. cod. conf., 3.

4. De Just. cod. conf., 3; *Const.*, Deo auct., 7.

5. *Const.*, Omnem, 7.

6. *Id.*, 1.

книгами изъ *Responsa* Павла ¹. Многое оставлялось безъ вниманія, какъ устарѣлое и бесполезное, и сами учителя, не зная большей части древнихъ произведеній, весьма мало помогали дальнѣйшему развитію науки. Наоборотъ, терялось много времени на изученіе того, что не имѣло никакого практическаго значенія. Уголовное право и уголовное судопроизводство совершенно оставались въ сторонѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ школы не могли опредѣлить, когда въ нихъ можно приступить къ изложенію новаго гражданскаго судопроизводства, къ изученію сборниковъ императорскихъ установленій и внесенныхъ въ нихъ нововведеній. Послѣдствіемъ всего этого, по словамъ Юстиніана, было то, что студенты оставляли школы «только испорченными наукою».

Реформа школы являлась необходимостью. Была начертана новая программа занятій. Продолжительность обученія была увеличена до 5 лѣтъ ². Студенты перваго года, которыхъ прежде въ насмѣшку называли *Dipondii* и которыхъ императоръ пожелалъ украсить именемъ *Justiniani novi*, должны были изучать Институціи и четыре первыя книги *Дигестъ*. Второй, третій и четвертый года посвящались изученію *Дигестъ*, при чемъ книги 37—50 оставались внѣ программы и изученіе ихъ предоставлялось на волю каждаго студента; наконецъ, пятый годъ предназначался для *Кодекса*. Благодаря такому распредѣленію занятій, «студенты, говорилъ императоръ, проникнувъ въ тайны права, не будутъ имѣть ничего скрытаго, но, прочитавъ все, что собрано *Трибоніаномъ* и его сотрудниками, станутъ превосходными адвокатами, охранителями правосудія, могучими борцами и всегда умѣлыми судьями въ ходѣ процессовъ ³». И затѣмъ въ стилѣ, напоминающемъ тотъ, который обыкновенно употребляется при раздачѣ наградъ, Юстиніанъ старается возбудить усердіе студентовъ и ихъ наставниковъ: «примите же, говоритъ онъ ученикамъ, со вниманіемъ и уваженіемъ издаваемые нами законы, покажите себя настолько любознательными, чтобы считаться могущими удовлетворить самую лучшую изъ возлагаемыхъ на васъ надеждъ, покажите, что вы, пройдя всю науку права, будете умѣть управлять въ государствѣ на тѣхъ постахъ, которые будутъ вамъ ввѣрены ⁴». Обращаясь къ профессорамъ, онъ

1. Ср. *Krueger*, loc. cit., 467—470.

2. *Const.*, *Omnem*, 2—5.

3. *Id.* 6.

4. *Const.*, *Imperatoriam majestatem*, 7.

говорить: «И такъ, начните съ помощью Божіей преподаваніе науки права, откройте путь, который мы указали вамъ, дабы ваши ученики сдѣлались превосходными слугами правосудія и государства, а вы сами заслужили-бы себѣ вѣчную славу¹». Въ заключеніе базилевсъ со свойственною ему эрудиціею прибавляетъ: «Въ ваше время право дѣйствительно подверглось преобразованію, подобное тому, о которомъ говоритъ отецъ всѣхъ добродѣтелей Гомеръ, когда онъ изображаетъ Главка и Діомеда вымѣнивающими вещи, совершенно несходныя — золото за мѣдь, стоимость девяти быковъ за одну гекатомбу²». И съ своею обычною заботою о всѣхъ мелочахъ Юстиніанъ предписываетъ соблюденіе въ новыхъ университетахъ празднествъ, сопровождающихъ переходъ на третій курсъ, и строго запрещаетъ «тѣ постыдныя, отвратительныя и достойныя только рабской душѣ» испытанія, которыя студенты налагали на своихъ вновь поступившихъ товарищей и нерѣдко распространялись даже на профессоровъ³.

Такова была новая программа преподаванія, основанная главнымъ образомъ на строгомъ изученіи *Corpus juris civilis*. Тотъ же духъ опредѣлилъ и предписанія, касающіяся научныхъ изысканій. Юстиніанъ рѣшительно не желалъ, чтобы его дѣло подверглось какимъ-либо измѣненіямъ вслѣдствіе какихъ либо возраженій; поэтому онъ запретилъ всякое критическое изслѣдованіе относительно законодательныхъ текстовъ, всякаго рода комментаріи или простое измѣненіе въ изложеніи законовъ. Онъ разрѣшилъ только переводы, при условіи, чтобы они были буквальны, краткое изложеніе, указатели (*indices*) и, наконецъ, работы, состоящія въ сближеніи статьи Дигестъ съ постановленіями по тому же предмету, заимствованными изъ законодательныхъ актовъ (*παρὰ τῆς ἀρχῆς*); все остальное въ его глазахъ было бы не толкованіемъ, а извращеніемъ, и, являясь бесполезною болтовнею, служило бы только къ ослабленію значенія императорскаго дѣла⁴. Конечно, наука была поставлена этимъ въ чрезвычайно узкія границы, особенно если вспомнить, что законы Юстиніана должны были съ этого времени сдѣлаться основою всякаго научнаго изслѣдованія, и тѣмъ болѣе узкія, что соблюденіе императорскихъ повелѣній въ дѣйствительности было невозможно. Несмотря на наказанія, налагавшіяся на

1. *Const.* Omnem, 11.

2. *Id.*, 11.

3. *Id.*, 4, 9.

4. *Const.*, Deo auct., 12; Tanta, 21; Omnem, 8.

ихъ нарушителей, эти мѣры остались мертвою буквою. Ихъ уважали только по внѣшности и подъ именемъ indices давались свободныя изложенія текста; въ нихъ дѣлались толкованія его, сопровождающіяся объяснительными и научными комментаріями (параграфай)¹. Примѣръ этому дали сами члены комиссіи, учрежденной Юстиніаномъ; такъ Теофилъ и Дороей составили на греческомъ языкѣ Indices къ Дигестамъ, а въ концѣ царствованія другой профессоръ права, Стефанъ, издалъ, тоже по-гречески, очень пространный комментарий къ Пандектамъ. На греческомъ же языкѣ появилось изло-

98. Миниатюра изъ ватиканскаго списка Козьмы Индикоплевста.

женіе Институцій, приписываемое, быть можетъ ошибочно, Теофилу; наконецъ для Кодекса были изданы по-гречески комментаріи юрисконсультами Фалалеемъ, Исидоромъ и Анатолиемъ. Всѣ эти работы свидѣтельствуютъ о большой дѣятельности въ школахъ права VI вѣка; онѣ показываютъ также крайнюю необходимость перевода на греческій языкъ официальныхъ латинскихъ текстовъ новаго законодательства для того, чтобы оно сдѣлалось доступнымъ массѣ населенія. Тѣмъ не менѣе, можно было опасаться, что при такой крайне ограниченной области, предоставленной для работъ, юридическая наука должна была довольно скоро прійти въ нѣкоторый упадокъ.

1. См. *Krueger*, loc. cit., 483—490.

Узко ограничивая самостоятельность другихъ, Юстиніанъ не намѣренъ былъ ограничивать свою. Сверхъ того, что онъ сохранилъ за собою право во всѣхъ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, устранять возникшее недоразумѣніе въ силу своей императорской власти, онъ формально обѣщалъ, что если въ будущемъ ему покажется необходимымъ измѣнить какое-либо постановленіе или если онъ придумаетъ лучшее рѣшеніе,—издавать соответствующее законоположеніе¹. И онъ очень широко воспользовался даннымъ имъ самому себѣ разрѣшеніемъ. Съ 534 г. по 565 онъ издалъ подъ именемъ новеллъ рядъ повелѣній, всего 154, которыя въ нѣкоторыхъ очень важныхъ статьяхъ, на примѣръ, въ вопросѣ о наслѣдованіи при отсутствіи завѣщанія внесли серьезныя измѣненія въ законы Дигестъ и Кодекса; но большая часть ихъ относится къ дѣламъ административнаго и церковнаго порядка и, въ силу этого, представляютъ высокій интересъ для исторіи административнаго управленія въ его царствованіе¹. Въ отношеніи этихъ указовъ необходимо сдѣлать два замѣчанія. Первое, это—то, что, несмотря на первоначальное намѣреніе Юстиніана, эти указы никогда не были собраны въ одно цѣлое оффиціальное изданіе; въ первый разъ ихъ собралъ во-едино послѣ 555 г. одинъ константинопольскій адвокатъ, Юліанъ; другіе, болѣе полные сборники, были составлены нѣсколько позже. Другое замѣчаніе касается факта, достойнаго особаго вниманія, а именно, что большая часть новеллъ была издана на греческомъ языкѣ: «Мы не написали этотъ законъ, говоритъ Юстиніанъ въ одномъ указѣ 535 г., не на національномъ языкѣ, но на общеупотребительномъ греческомъ, дабы онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ, такъ какъ при этомъ всѣ легко поймутъ его²». Для государя, желавшаго оставаться римскимъ императоромъ, это являлось большою уступкою, чреватою послѣдствіями, и ничто не указываетъ такъ хорошо на глубокую эволюцію, совершившуюся въ государствѣ, и на тщету усилій Юстиніана остановить ее.

1. De emend. cod. Just., 4.

nians.

1. См. *Krueger*, loc. cit., 472—478

2. Nov. 7, 1.

Biener, *Gesch. der Novellen Justi-*